

РОССИЙСКАЯ КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА В АВСТРАЛИИ В 1857–1917 гг.

Первые контакты между Россией и английскими колониями на австралийском материке были установлены еще в начале XIX в.: в июне 1807 г. шлюп российско-американской компании «Нева» зашел в Сидней в ходе своего плавания из Кронштадта в Русскую Америку¹. На протяжении первой трети XIX в. в Австралии побывало еще 14 российских кораблей. Все они посещали Сидней и Хобарт в ходе русских кругосветных и полукругосветных плаваний, австралийские порты при этом выступали важными транзитными пунктами, где можно было дать отдых командам, пополнить припасы воды и продовольствия и отремонтировать корабли. Среди участников русских кругосветных плаваний, посетивших в первой трети XIX в. Австралию, можно назвать имена Л.А. Гагемейстера, М.Н. Васильева, Г.С. Шишмарева, Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, Е.В. Путятина, В.С. Завойко и многих других выдающихся русских мореплавателей и флотоводцев. Офицеры российского флота были людьми высокообразованными. С пристальным интересом всматривались они в жизнь молодых английских колоний на пятом континенте, отмечая их стремительное развитие. Русские проводили естественнонаучные и этнографические исследования в экзотической и малоизвестной тогда Австралии, собранные ими в ходе плаваний ботанические, зоологические и этнографические коллекции дополнили экспозиции российских музеев. После совместной победы над Наполеоном между Англией и Россией установились равные, если не сказать дружеские отношения, которые сохранялись, по крайней мере, до конца 1820-х гг. Англо-русское согласие способствовало тому, что русских ожидал в Австралии теплый, сердечный прием, российские морские офицеры были желанными гостями в домах представителей высшего света Сиднея и Хобарта.

Однако долгое время посещения русскими кораблями Австралии оставались единственным каналом общения россиян и австралийцев. Можно говорить, что в первой трети XIX в. имело место не более чем знакомство народов двух стран, которое носи-

ло общегуманитарный характер. Торгово-экономические связи отсутствовали, а политическое взаимодействие еще не выходило за рамки русско-английских отношений².

Положение дел изменилось в середине XIX в. Открытие золота на австралийском материке в 1851 г. положило начало золотой лихорадке, которая сопровождалась стремительным ростом населения и стала стимулом для мощного и долговременного — вплоть до 90-х гг. XIX в. — рывка в развитии экономики английских переселенческих колоний в Австралии. В течение 1851—1860 гг. в Австралии было добыто 25 млн унций золота, что составляло более 40% его мировой добычи³. Золото стало главным предметом австралийского экспорта. Наплыв золотоискателей привел к тому, что только за первое десятилетие «золотой лихорадки» (до 1861 г.) численность населения австралийских колоний увеличилась почти втрое и достигла 1168 тыс. человек. При этом население колонии Виктория увеличилось с 77 тыс. до 540 тыс. человек, колонии Новый Южный Уэльс — с 200 тыс. до 350 тыс. человек⁴. Среди приехавших на поиски золота было и немало выходцев из Российской империи. В 1863 г. мичман русского корвета «Богатырь» П.С. Муханов отмечал, что «в Мельбурне трудно пройти по улице, не встретив кого-нибудь, говорящего по-русски», и указывал, что в городе «довольно много» поляков, немцев и евреев из западных российских губерний⁵. В австралийский фольклор вошла легенда, несомненно, имевшая под собой реальные основания, о некоем Русском Джеке — старателе на приисках Западной Австралии, работавшем там в 80-е гг. XIX в.⁶

Быстро продолжалось развитие сельского хозяйства, численность овец и производство шерсти в Новом Южном Уэльсе — цитадели австралийского овцеводства с 1860 по 1890 г. увеличились соответственно в 11 и 17 раз. Появилась национальная промышленность, к началу 90-х гг. XIX в. в колониях насчитывалось уже более 10 тыс. промышленных предприятий, на которых работало 133 тыс. человек⁷. Заметно увеличились объемы внешней торговли, причем география экспорта и импорта австралийских колоний значительно расширилась. К началу XX в. на долю государств, не входящих в состав Британской империи, приходилось до 30% всего внешнеторгового оборота Австралии⁸. Переселенческие колонии Англии становились заметным игроком на мировом рынке. В 1855 г. колонии Новый Южный Уэльс, Виктория, Тасмания и Южная Австралия добились от правительства Великобритании права на полное внутреннее самоуправление. Согласно акту, принятому британским парламентом, в колониях создавался законодательный орган, состоявший из двух палат — назначаемого Законо-

дательного совета (верхняя палата) и выборной Законодательной ассамблеи (нижняя палата). Начиная с 1856 г. в колониях были сформированы собственные правительства. Эта же схема управления была перенесена на созданную в 1859 г. колонию Квинсленд. В самоуправляющихся отныне австралийских колониях начала успешно функционировать политическая система буржуазной демократии.

Стремительное социально-экономическое и политическое развитие пятого континента побуждает зарубежные государства со все более пристальным вниманием следить за положением дел в Австралии. Потребность в информации о внутри- и внешнеполитической ситуации в переселенческих колониях, необходимость защиты прав своих подданных и растущих торговых интересов в этой части света ведет к формированию в Австралии консульской службы иностранных государств. К 1890 г. в Мельбурне и Сиднее – столицах Виктории и Нового Южного Уэльса, наиболее населенных и развитых австралийских колоний, – работали консулы соответственно 27 и 21 страны⁹.

Наряду с другими государствами свои консульские представительства в Австралии открывает и Россия. Решение об учреждении консульской службы в Мельбурне и Сиднее было принято в конце 1856 г., а уже в начале 1857 г. на консульские должности были назначены австралийские коммерсанты: в Мельбурн – Дж. Деймион, в Сидней – Э.М. Поль¹⁰. До 1875 г. они были нештатными вице-консулами, с 1875 г. – нештатными консулами России соответственно в Виктории и Новом Южном Уэльсе. Дж. Деймион исполнял свои обязанности до конца 1893 г. (фактически – до начала 1894 г.) – то есть вплоть до преобразования дипломатического представительства России в Мельбурне в штатное консульство и назначения на должность консула профессионального чиновника МИД. Э.М. Поль в качестве нештатного консула сохранял свой пост до 1913 г.¹¹

Нештатные консулы в Австралии подчинялись Генеральному консулу России в Лондоне. Помимо представительских функций они выполняли «разовые» поручения российского Министерства иностранных дел, посольства и генконсульства в Лондоне, периодически собирали и пересылали в Лондон всевозможные статистические данные о развитии австралийских колоний, а также должны были защищать интересы русских подданных, оказавшихся в Австралии. В обязанности консулов входило, кроме того, оказание юридического и иного содействия командирам кораблей российского флота и капитанам российских торговых судов во время пребывания в портах пятого континента.

О работе нештатных консулов по защите российских интересов можно судить по их донесениям Генеральному консулу России в Лондоне. Донесения эти высылались нерегулярно, нередко несколько из них помечались одной и той же датой. Подготовка и отправка донесений были привязаны, как правило, к расписанию почтово-пассажирских судов, отправлявшихся из Австралии в Европу. И если Дж. Деймион отсылал в Лондон свои донесения более или менее часто и старался описать относительно подробно все, имеющее отношение к его обязанностям российского консула, то Э.М. Поль посылал свои сообщения в Лондон значительно реже, исходящих номеров не ставил и подчас ограничивал содержание донесений подтверждением получения очередных инструкций и информации от Генерального консула России в британской столице.

Русские нештатные консулы в Мельбурне и Сиднее вполне справлялись со своими задачами по защите интересов оказавшихся в Австралии русских подданных и обеспечению пребывания в Австралии российских моряков. Не было сложностей и с получением экономико-статистических данных. Однако нештатный статус русских дипломатических представителей затруднял решение политических задач, прежде всего по сбору политической информации. Кроме того, российское Министерство иностранных дел не могло доверить иностранным гражданам (каковыми и являлись нештатные консулы) сколько-нибудь серьезных поручений, имеющих политическую окраску. Дж. Деймион пытался, впрочем, по своей инициативе собирать информацию политического характера, руководствуясь при этом собственными представлениями о значимости тех или иных вопросов для русского правительства. Так, в 1863 г. он передал в Россию материалы о новой, одобренной правительством Виктории схеме обороны Порт-Филлипа, сообщал о ходе маорийских войн, которые Великобритания вела в Новой Зеландии, более или менее регулярно извещал генеральное консульство в Лондоне об антирусской пропаганде в Австралии польских эмигрантов¹².

К началу 90-х гг. XIX в. сложившееся положение дел перестает удовлетворять российский МИД. Новые обстоятельства диктуют необходимость учреждения в Австралии штатного дипломатического представительства. В России существенно возрастает интерес к развитию внутривнутриполитической ситуации в Австралии, в частности к военному строительству и быстрому нарастанию федералистских устремлений, имевших своей конечной целью фактическое создание единого австралийского государства — доминиона в составе Британской империи. Новое государственное образова-

ние должно было охватить собой целый континент и имело вполне сформировавшиеся внешнеполитические приоритеты. Австралийцы также упорно вели дело к созданию собственной колониальной сферы влияния в южной части Тихого океана. Под давлением австралийских переселенческих колоний Англия в 1874 г. аннексировала острова Фиджи, а в 1884–1885 гг. форсировала колониальный раздел с Германией восточной части острова Новая Гвинея. Колониальные амбиции Австралии вкупе с усилиями по созданию австралийской армии и флота существенно меняли баланс сил в Тихом океане в пользу Британской империи. Все это имело место в условиях крайне напряженных со времен Крымской войны, подчас балансирующих на грани нового военного конфликта англо-русских отношений. Нарастало соперничество в Тихоокеанском бассейне и других великих держав. Стремительное вовлечение этого некогда отдаленного региона в орбиту мировой политики повышало значимость тихоокеанской проблематики для русской дипломатии и настоятельно требовало расширения и укрепления дипломатического присутствия России в бассейне Тихого океана. В 90-е гг., как пишет изучавший эту проблему В.П. Олтаржевский, ряд русских нештатных представительств в странах Тихого океана был преобразован в штатные. В их числе оказалось и консульство России в Мельбурне¹³. В 1894 г. оно начало работать как штатное с непосредственным подчинением консулов российскому императорскому посольству в Лондоне. Возглавлять консульство должны были теперь профессиональные дипломаты – сотрудники российского Министерства иностранных дел.

В силу значимости общественно-политических процессов, которые развивались в Австралии, задачи штатного представителя в Мельбурне выходили за рамки собственно консульской деятельности. Они вполне могли быть приравнены в этом плане к обязанностям русского консула в другой английской колонии, уже ставшей к тому времени доминионом, – Канаде. Вот как определялся круг его задач в инструкции российского Министерства иностранных дел: «Этому консульскому агенту предстоят двоякого рода обязанности: с одной стороны, он является консулом в тесном смысле этого слова.., а с другой стороны, ему надлежит исполнять обязанности политического агента, зорко следящего как за всеми видоизменениями, могущими произойти в отношении канадского правительства к метрополии.., так и за настроениями самой страны»¹⁴.

Уже первые штатные консулы России в Мельбурне – А.Д. Путья (занимал пост консула в 1894 г.), Р.Р. Унгерн-Штернберг (кон-

сул в 1895—1898 гг.) и Н.П. Пассек (консул в 1900—1902 гг.)* заметно расширили диапазон и интенсивность работы консульского представительства, включив в круг своих интересов и политическую составляющую. Наряду с традиционной консульской деятельностью — защитой имущественных и иных интересов русских подданных, выдачей справок и паспортов, оказанием юридической помощи попавшим в беду выходцам из России, консулы пересылали в российское посольство в Лондоне информацию о внутриполитическом развитии австралийских переселенческих колоний. Несомненный интерес в этом плане представляют регулярно составляемые и подробные сообщения А.Д. Путяты о социально-экономическом положении, перипетиях политической борьбы и социальных движениях в переживавшей тяжелый экономический кризис Виктории. В донесениях консулов тщательно отслеживалось развитие процесса формирования австралийской федерации, сообщалось о планах укрепления обороноспособности колоний, о первых проявлениях самостоятельной внешней политики Австралии. Нельзя, впрочем, не отметить, что русские консулы, хотя и видели нарастание центробежных тенденций в рамках Британской империи, поначалу явно недооценивали силу федеративного движения в Австралии и преувеличивали разногласия между различными переселенческими колониями относительно принципов и условий объединения. Так, А.Д. Путята, рассуждая о возможности создания федерации, считал, что «правлящие круги Австралии будут скорее тормозить федерацию, чем способствовать ей», а Р.Р. Унгерн-Штернберг, сообщая о трудностях при обсуждении условий объединения, даже уверял, что «отныне можно считать важный проект австралийской федерации похороненным»¹⁵.

Важное значение для развития российско-австралийских отношений имела деятельность консулов по улучшению имиджа России в Австралии. Дело в том, что со времен Крымской войны Россия рассматривалась в Англии и в большинстве ее заморских владений как главный соперник и наиболее опасный враг Британской империи на международной арене. В Австралии к тому же было широко распространено убеждение, что в случае англо-русской войны российский флот непременно совершит нападе-

* Назначенный в 1898 г. российским консулом в Мельбурн Н.Г. Матюнин по личным обстоятельствам приступил к работе в Австралии не смог, в 1898—1899 гг. обязанности русского представителя исполнял консул Франции в Мельбурне Л.А. Дежарден. Н.П. Пассек, получив назначение в Мельбурн в 1899 г., прибыл к месту службы только в марте 1900 г.

ние на Сидней, Мельбурн и другие крупные портовые города пятого континента. Во второй половине XIX в. русофобия была заметным явлением во внутривнутриполитической жизни Австралии¹⁶. Пытаясь развеять предубеждения против своей страны, уже первый штатный консул в Мельбурне А.Д. Путята сразу же по прибытии в Австралию провел кампанию в австралийской прессе, убеждая ее читателей в миролюбии России. Этому же служили приемы, которые А.Д. Путята и другие русские консулы устраивали для представителей австралийского истеблишмента в дни российских государственных праздников. Существенным направлением повышения репутации России на пятом континенте стало участие русских консулов в жизни православных верующих Австралии — помимо выходцев из России и южных славян это были греки, сирийцы и выходцы из Ливана. Усилия представителей православной общины Мельбурна и русских консулов, предпринятые в 1894—1900 гг. по строительству первой православной церкви в Австралии, увенчались успехом. В декабре 1900 г., в день тезоименитства императора Николая II в торжественной обстановке с участием представителей властей Виктории и австралийской прессы в Мельбурне был заложен православный храм. Консул Н.П. Пассек придал этому событию политическое звучание и сумел превратить его в демонстрацию заботы православной России о своих единоверцах¹⁷.

Русские консулы прилагали усилия к развитию российско-австралийской торговли. А.Д. Путята содействовал участию русских предпринимателей во всемирной торговой выставке в Хобарте 1894—1895 гг.¹⁸ Р.Р. Унгерн-Штернберг подготовил целый ряд донесений в российский Департамент торговли и мануфактур, в которых освещал состояние дел в различных отраслях народного хозяйства австралийских переселенческих колоний и указывал на возможности и необходимость развития русско-австралийской торговли и торгового мореплавания¹⁹. Такую же работу проводил Н.П. Пассек, отмечая, в частности, перспективы продажи в Австралии русского керосина²⁰. Следует, однако, отметить, что ни в конце XIX в., ни в первые десятилетия XX в. российско-австралийская торговля так и не приобрела сколько-нибудь значительных размеров. Из товаров российского производства на пятом континенте можно было встретить лишь мыло, свечи, льняные ткани, мебель. В Австралию в незначительных объемах поступал также русский лес. С началом XX в. начались поставки керосина из Баку, а из Австралии во Владивосток стало экспортироваться замороженное мясо. Кроме того, австралийцы — также в незначительных количествах — поставляли в Россию продукты своего тра-

диционного экспорта: шерсть и сало. Генеральный консул России в Австралии в 1908–1910 гг. М.М. Геденштром констатировал в одном из своих донесений в декабре 1908 г.: «Между Россией и Австралией торговли почти нет... Для торгового обмена между Австралией и Россией необходимо, чтобы русские торговые люди сами приезжали сюда для изучения на месте условий рынка»²¹.

Учитывая, что круг интересов российского дипломатического представительства в Виктории все в большей и большей мере распространялся на территорию остальных австралийских колоний, в 1896 г. по инициативе Р.Р. Унгерн-Штернберга экзекватура русского консула в Мельбурне (колония Виктория) была расширена на остальные австралийские колонии и Новую Зеландию²². В 1899 г. начало работать еще одно русское представительство в Австралии: в Ньюкасле – городе-порте, куда нередко заходили финские торговые суда, шедшие под российским флагом, приступил к работе нештатный вице-консул России Р.А. Уаллас²³. В преддверии создания Австралийской Федерации в 1900 г. российский консул в Виктории Н.П. Пассек получил статус консула России в Австралии и Новой Зеландии. Таким образом, уже ко времени объединения переселенческих колоний в доминион Британской империи на его территории была сформирована полноценная русская консульская служба.

После создания Австралийского Союза, в церемонии провозглашения которого 1 января 1901 г. наряду с другими иностранными представителями принимал участия и русский консул Н.П. Пассек, статус русского дипломатического представительства на пятом континенте был еще более повышен – в 1902 г. оно было преобразовано в Российское генеральное консульство в Австралийской Федерации и Новой Зеландии²⁴. В Петербурге постепенно вызревает понимание, что Австралийский Союз – это нечто большее, чем просто объединение колоний, что новый доминион по своему статусу приближается к самостоятельному государству. Более позитивно воспринимаются предложения о расширении политических и торгово-экономических связей с Австралией. Характерно в этом смысле мнение председателя Совета по делам торгового мореплавания великого князя Александра Михайловича. Поддержав проект пассажирского сообщения между Австралией и Европой морем из Дарвина в Порт-Артур и далее по Сибирскому железнодорожному пути, великий князь в 1902 г. писал: «Весьма желательно завязать тесные сношения с Австралией помимо Англии»²⁵. Вместе с ростом числа русских эмигрантов в Австралии расширяется и российская консульская сеть на пятом континенте. К штатному Генеральному консулу в Мельбурне, не-

штатному консулу в Сиднее и нештатному вице-консулу в Нью-касле к 1909 г. добавились нештатные консулы в Аделаиде, Брисбене и Порт-Элизабет, к 1914 г. нештатные консулы России появились в Хобарте и Перте. Титулатура Генерального консула в Мельбурне стала звучать как «Генеральный консул в Австралийском Союзе и доминионе Новая Зеландия»²⁶.

В первом десятилетии XX в. заметно меняется расстановка политических сил на Тихом океане. Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. ослабило ее позиции в этом регионе. Английское влияние в Тихоокеанском бассейне также несколько ослабевает: Великобритания, обеспокоенная стремительным усилением военно-морской мощи Германии, вынуждена была передислоцировать часть своего флота из Тихого океана в европейские воды. Доминирующей политической силой в Тихоокеанском бассейне становится Япония. Все это не могло не сказаться на геополитическом положении Австралии. Австралийцы, с началом Русско-японской войны поддержавшие антирусскую позицию Великобритании, после поражения России опасаются теперь не столько ослабшей царской империи, сколько укрепившей свое международное положение Японии. Причем опасаются не только ее военной мощи, но и растущей японской конкуренции на австралийских рынках. Кроме того, Австралия отныне не уверена в способности Великобритании обеспечить должную защиту пятого континента в случае возникновения военных угроз в Тихоокеанском бассейне. При таких обстоятельствах Австралийский Союз, с одной стороны, приступает к созданию собственного военного флота, с другой — предпринимает шаги по обретению новых внешнеполитических покровителей, прежде всего Соединенных Штатов Америки. Именно эти цели преследовал визит в 1908 г. военного флота США в Сидней и Мельбурн, причем приглашение посетить Австралию было передано американцам правительством Австралийского Союза фактически без согласования с правительством Великобритании.

Российские консулы в Мельбурне тщательно отслеживали все эти изменения. Так, М.М. Устинов (консул де-юре в 1902–1907 гг., фактически работал в Мельбурне в 1903–1906 гг.) информировал Петербург об антирусской позиции, занятой австралийскими властями с началом Русско-японской войны, сообщил о поставках морем через Гонконг австралийских лошадей (до 15 тыс.) для японской конной пехоты, о снабжении Японии фуражом и зерном на английских пароходах, зафрахтованных местными фирмами²⁷. Он же энергично протестовал против антироссийских резолюций, принятых парламентом Австралийского Союза в связи

с Гульским инцидентом*. Впрочем, после поражения России и явного усиления позиций Японии антирусские настроения фактически сходят в Австралии на нет. Уже следующий российский консул М.М. Геденштром отметил это обстоятельство и обращал особое внимание на эволюцию отношения жителей Австралии к России и русским. «До Русско-японской войны, — доносил он в сентябре 1908 г., — в общественном мнении Австралии... существовало убеждение, что Россия имеет виды на Австралию, и страх перед нашествием русского флота еще более усиливал ту вековую ненависть, которую англичане питают к русским. После несчастной войны страх прошел..., взамен появился новый враг, на которого с беспокойством устремляются взоры австралийцев. Врага этого они видят в лице... союзников Англии японцев... И общество, и сам федеральный премьер-министр г-н Deakin (А. Дикин. — А.М.) говорят это открыто»²⁸. М.М. Геденштром, многостраничные донесения которого отличаются насыщенностью фактическим материалом и стремлением к анализу происходящих событий, подробно сообщал в Петербург о попытках австралийцев приобрести новых внешнеполитических покровителей и об их реакции на события в Европе, в частности на усиление морских вооружений Германии, о мерах австралийцев по укреплению своей обороноспособности и их стремлении превратить южную часть Тихого океана в зону исключительно австралийского влияния. Консул указывает при этом «на ту фактическую независимость, которую пользуется Австралийская Федерация», на то, «насколько слабы связи, соединяющие ее с метрополией» в конституционном отношении²⁹. Не меньшее внимание, причем нередко под резко критическим углом зрения, уделялось внутривнутриполитическим проблемам Австралии — интенсивной законодательной деятельности, имевшей целью юридически закрепить все стороны жизни молодого австралийского государства, а также проблемам его политического, социального и экономического развития. Движение по пути обретения полного суверенитета, быстрый экономический рост, на основе которого возможно усиление военного и внешнеполитического могущества Австралии — вот путь, который, по мнению российских консулов в Мельбурне, был уготован этой стране в XX в.

* 22 октября (н. ст.) 1904 г. корабли эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского обстреляли в Северном море английские рыболовецкие суда, приняв их в условиях сильного тумана за японские миноносцы. В итоге был потоплен один и повреждено пять рыболовецких ботов, убит один и ранено шесть английских рыбаков.

С началом XX столетия расширяется и собственно консульская деятельность российских представителей в Австралии, прежде всего по защите интересов русских подданных. Связано это было с быстро растущим числом иммигрантов из России, оседавших в Австралии. К 1914 г., по данным российского консульства в Мельбурне, на пятом континенте насчитывалось примерно 11 тыс. выходцев из России. При этом ежемесячный рост русской колонии составлял примерно 120–150 человек, а объем работы консульства с соотечественниками «удваивается каждые три года»³⁰. Работа с российской диаспорой в Австралии выдвинулась на первый план с приходом в 1911 г. на должность российского Генерального консула в Мельбурне А.Н. Абазы. Выходцы из России были в значительной своей части представителями трудовой крестьянской эмиграции, и главной причиной, по которой они стремились попасть в австралийские переселенческие колонии, была нехватка свободных земель в России при их наличии на пятом континенте. После русской революции 1905–1907 гг. в Австралии появились и эмигранты-революционеры, которые покинули Родину, спасаясь от преследований правительства. Эта, не столько многочисленная, сколько шумная и очень активная часть русской эмиграции пыталась вести революционную пропаганду и агитацию как среди своих соотечественников, так и среди австралийских рабочих. Для борьбы против эмигрантов-революционеров российское консульство подчас прибегало к услугам австралийской полиции: в 1912 и 1916 гг. с подачи русского консула австралийские власти закрыли радикально настроенные русскоязычные газеты «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов»³¹. Вместе с тем главным направлением борьбы с влиянием «бежавших из России политических преступников» А.Н. Абаза считал создание условий, при которых выходцы из России «и в далекой Австралии не потеряли живой связи с отечеством», чтобы каждый русский мог «найти себе теплое участие и сердечную помощь от родных ему людей»³². С этой целью консул разработал план расширения и реорганизации русской консульской службы в Австралии, Новой Зеландии и Океании. В соответствии с планом в Австралии наряду со штатным Генеральным консульством в Мельбурне должна была быть создана целая сеть полноценных штатных российских консульств. Их предлагалось учредить в Сиднее, Брисбене, Аделаиде и Перте. В Брисбене, который в начале XX в. являлся центром русской эмиграции в Австралии, А.Н. Абаза предлагал разместить резиденцию русского православного священника, во многом справедливо уповая на роль религии в деле объединения и умиротворения русских иммигрантов, в деле

сохранения их духовных связей с Родиной. Предлагаемые меры, писал консул, «послужат к большой помощи нашей русской колонии, к подъему нашего национального престижа и к пользе нашей государственности в том отношении, что мы этим сохраним за собою тысячи добропорядочных наших соотечественников, которые в противном случае... потеряют всякую связь с Россией и сделаются верноподданными австралийцами»³³. В российском Министерстве иностранных дел план Абазы не был отвергнут, однако его реализации помешала начавшаяся Первая мировая война. К 1917 г. штатным оставалось только генеральное консульство в Мельбурне, однако нештатные консульские сотрудники, в основном из числа местных коммерсантов, работали в Сиднее, Аделаиде, Брисбене, Хобарте, Ньюкасле, Перте и Фримантле³⁴.

Война внесла свои коррективы в деятельность российского Генерального консульства в Мельбурне. Россия и Австралия выступали в этой войне в качестве союзников по Антанте. Российское консульство предпринимает активные действия по возвращению в Россию с последующей отправкой на военную службу проживавших в Австралии русских резервистов. В случае невозможности их возвращения на Родину российским гражданам призывного возраста предлагалось вступать в ряды австралийской армии. Одновременно консульство попыталось взять под защиту «австрийских славян». Как граждане воюющего с Британской империей государства, они столкнулись с угрозой интернирования. Русский консул выдавал им временные справки о консульской протекции, в которых подтверждалось их намерение принять русское подданство³⁵.

Февральская революция 1917 г. в России была воспринята в Австралии как долгожданный прорыв русских к свободе и породила всплеск интереса к далекой северной стране. Казалось, что свержение монархии в России открывает новые широкие возможности для развития русско-австралийских связей. В апреле 1917 г. по инициативе русского консула, поддержанной деловыми и политическими кругами Австралии, было создано Российско-австралийское бюро торговли и информации³⁶. Планировалось, что оно займется развитием российско-австралийской торговли, причем масштабы этой торговли помогут России занять место Германии на австралийском рынке. Однако реализовать намеченное не удалось. Октябрьский переворот 1917 г. в России остановил все планы и начинания. Приход к власти большевиков сотрудники российского консульства в Мельбурне восприняли в штыки. В начале декабря 1917 г., когда стало окончательно ясно, что происходит в Петрограде, А.Н. Абаза в письме премьер-министру Австра-

лии У.М. Хьюзу категорически отмежевался от правительства большевиков³⁷. Ответом на это письмо стал немедленный отказ австралийских властей признавать выданные русским Генеральным консулом документы. В конце декабря 1917 г. А.Н. Абаза сообщил о своем решении оставить службу в Мельбурне послу российского Временного правительства в Лондоне К.Д. Набокову.

Отставка А.Н. Абазы означала по сути дела прекращение консульских отношений между Россией и Австралийским Союзом. Попытка советского правительства в начале 1918 г. назначить в качестве консула РСФСР члена русской колонии в Австралии большевика П.Ф. Симонова успехом не увенчалась. В условиях непризнания советского режима правительством Великобритании не могли признать П.Ф. Симонова консулом де-юре и австралийские власти. Так и не сумев утвердить себя в качестве консула, П.Ф. Симонов в 1921 г. покинул страну³⁸. В межгосударственных отношениях России и Австралии наступила долгая пауза. Она завершится лишь в 1942 г., когда СССР и Австралийский Союз, в то время союзники по антигитлеровской коалиции, установят между собой дипломатические отношения.

Существование в Австралии российской консульской службы во второй половине XIX и в начале XX в. сыграло свою немалую и притом исключительно позитивную роль в сохранении и развитии российско-австралийских отношений. В условиях, когда торгово-экономические и культурные связи между двумя странами оставались еще в зачаточном состоянии, именно консульская служба обозначила присутствие России в Австралии. Консулы успешно защищали интересы русских эмигрантов и российских подданных, оказавшихся в Австралии. Именно они способствовали улучшению имиджа России в австралийском обществе в условиях очень непростых англо-русских отношений и распространения на пятом континенте русофобии. Российские консулы, будучи профессиональными дипломатами, достаточно полно и объективно информировали русское правительство о процессах внутрисполитического развития Австралии, об эволюции внешнеполитических представлений и предпочтений Австралийского Союза, о развитии международной обстановки в южной части бассейна Тихого океана. В наши дни документы о деятельности российской консульской службы в Австралии, прежде всего донесения российских консулов, представляют собой ценнейший источник по истории русско-австралийских связей, а также выступают в качестве достаточно информативного источника иностранного происхождения по истории Австралии в целом. Однако рассказ консулов об увиденном в Австралии, о развитии этой за-

мечательной страны и жизни там русской диаспоры может быть интересен не только профессиональным историкам, но и всем, кто интересуется прошлым пятого континента, историей и судьбами русской эмиграции.

Публикация донесений российских консулов в Австралии представляется весьма актуальной в свете предпринимаемых в наши дни усилий России по активизации своей внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ее стремления развивать отношения с Австралийским Союзом, поддерживать и развивать культурные и духовные связи с русской диаспорой на пятом континенте.

В предлагаемый читателю сборник включено 144 документа. Это донесения российских консулов, извлеченные из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Разумеется, публикуется не весь корпус донесений, которые хранятся в архиве. Составители сборника постарались отобрать лишь наиболее интересные и содержательные из них. Прежде всего, это те тексты, которые проливают свет на разностороннюю деятельность российских консулов в Австралии по налаживанию российско-австралийских связей, защите интересов русских подданных и информированию российского внешнеполитического ведомства о главных процессах внутривнутриполитического развития Австралии и проблемах международных отношений в бассейне Тихого океана. Все донесения публикуются в хронологической последовательности их создания. Вне рамок данного сборника остались донесения, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве. Эти консульские документы, как правило, посвящены торгово-экономическим связям России и Австралии, некоторые из них, равно как и небольшое количество донесений политического характера, были опубликованы ранее в российской периодической печати. Список этих публикаций приведен в «Библиографии публикаций документальных материалов российских консулов в Австралии».

Некоторые из документальных материалов российских консульских представителей в Австралии уже использовались отечественными историками³⁹, однако практически все документы, включенные в сборник, ранее нигде не публиковались. Фактически они впервые вводятся в научный оборот. Хронологически сборник охватывает период от установления консульских отношений между Россией и английскими переселенческими колониями в Австралии в 1857 г. вплоть до прекращения консульских связей России с Австралийским Союзом в 1917 г. Читатель, несомненно, заметит, что по мере развития и диверсификации отношений России с далекими английскими владениями в Австралии

донесения консулов становятся более подробными, более насыщенными фактами и разнообразными по своей тематике.

Публикация донесений осуществляется в соответствии с принятыми нормами публикаций архивных документов: с указанием адресата, места и времени его составления, языка, на котором документ написан, его архивного шифра в АВПРИ. Оговаривается также, подлинником или копией является оригинал включенного в сборник донесения. Полностью сохранен язык и стиль консульских донесений, однако тексты публикуются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Даты документов приведены так, как они указаны их авторами. При этом, если консул датировал свои донесения только по старому стилю (юлианскому календарю) рядом в квадратных скобках составителями сборника указана дата по новому стилю (григорианскому календарю). И наоборот, если документ датирован только лишь новым стилем, рядом в квадратных скобках указана дата по юлианскому календарю.

Как правило, содержательная часть документов публикуется без каких либо сокращений, в большинстве донесений купированы лишь общепринятые в то время обращения консулов к своим адресатам и столь же стандартные завершения («...имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим слугою Вашего высокопревосходительства...» и т.п.). Все купюры отмечены знаком <...>. Документы, написанные на английском или французском языке, публикуются в переводе на русский. Переводы с английского выполнил Е.Г. Рейнина, переводы с французского – М. Поллард. В документах, изначально составленных на русском языке, сделанные их авторами вставки на иностранных языках при публикации не переводятся, их перевод дан в примечаниях.

Каждый публикуемый документ снабжен необходимыми комментариями, которые приведены после текста документа и составлены с учетом более широкой, нежели только историки-профессионалы, читательской аудитории. Имена, фамилии и географические названия публикуются так, как они приведены в оригинале. Их современная транслитерация в русском языке указана в комментариях, однако такие разъяснения сделаны только при первом упоминании в публикуемых донесениях того или иного персонажа или местности. В случаях, когда сделанные авторами донесений сокращения слов не вполне понятны современному читателю, эти сокращения раскрыты составителями сборника и заключены в квадратные скобки []. Канцелярские пометы чиновников российского дипломатического и других правительственных ведомств, через которые проходил документ, как правило,

не публикуются. Исключение сделано лишь для тех помет и резолюций, которые несут смысловую нагрузку и важны для уяснения содержания документа и его оценки.

Часть иллюстраций, вошедших в сборник, — фотографии российских консулов и их адресатов, а также главных персонажей их донесений из дипломатического мира Австралии и России — разыскана составителями и никогда ранее не публиковалась в российских научных изданиях.

Авторы-составители выражают свою искреннюю благодарность Историко-документальному департаменту МИД России и его начальнику А.И. Кузнецову за предоставленную возможность изучения документальных материалов, а также сотрудникам Архива внешней политики Российской империи И.В. Поповой, О.Ю. Волковой и А.В. Руденко за помощь в разыскании, копировании и работе с документами. Помощь составителям сборника оказали московский этнограф к.и.н. Л.А. Иванова, сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) в Петербурге к.и.н. Е.С. Соболева, профессор Дальневосточного федерального университета во Владивостоке д.и.н. Г.И. Каневская, тюменский краевед Н.М. Моторина. Мы выражаем благодарность за поддержку в подготовке сборника Русскому Общественному Центру штата Квинсленд, сотруднику Австралийского национального университета Е.В. Говор, а также бывшему Генеральному консулу России в Сиднее, а ныне руководителю Управления региональных проектов Фонда «Русский мир» Г.Д. Толорая. Существенную помощь в поисках фотографий российских консулов в Мельбурне оказали благочинный штата Виктория Австрало-Новозеландской епархии РПЦЗ протоиерей Михаил Протопопов, ныне живущие представители рода Унгерн-Штернбергов Э. Унгерн-Штернберг (Монреаль, Канада) и Д. Унгерн-Штернберг (Сан-Паулу, Бразилия)⁴⁰. Могилу консула Н.П. Пассека помог отыскать журналист из Монреаля Е.С. Соколов. Всем им авторы-составители сборника также выражают свою признательность и благодарность.

¹ Российские моряки и путешественники в Австралии. 2-е изд. М., 2007. С. 21–25.

² Подробнее см.: Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным крестом. Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века. СПб., 1995.

³ Скоробогатых Н.С. История Австралии. М., 2011. С. 40.

⁴ Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М., 1987. С. 41.

⁵ Муханов П.С. Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком ее. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608 (Помяловский И.В.), оп. 1, д. 3031. Л. 63.

- ⁶ Bridge, P.J. Russian Jack. Perth, 2002.
- ⁷ Fitzpatrick, B. The British Empire in Australia. An Economic History 1834–1939. Melbourne, 1949. P. 137, 182–183.
- ⁸ A Statistical Account of Australia and New Zealand, 1903-04. Sydney, 1904. P. 258, 259.
- ⁹ The Australian Handbook (Incorporating New Zealand, Fiji and New Guinea). Shippers' and Importers' Directory & Business Guide for 1890. L., Melbourne, Sydney, Brisbane, 1890. P. 148, 224.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 184, оп. 520, д. 137. Л. 1–2об., 7–7об.
- ¹¹ Ежегодник Министерства иностранных дел России, 1914. СПб., 1914. С. 192.
- ¹² АВПРИ. Ф. 256, оп. 555а, д. 1264. Л. 29–43; д. 1279. Л. 121об., 147; д. 1146. Л. 29; д. 1279. Л. 115–115об., 117, 130–143, 148–156, 153–153об.; д. 1264. Л. 6, 13, 46.
- ¹³ Олтаржевский В.П. Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия) // Проблемы истории Австралии и Океании. Иркутск, 1990. С. 29. См. также: Олтаржевский В.П. О первых российских дипломатах в Австралии // Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Воспоминания и научные статьи к 100-летию со дня рождения. Иркутск, 2002. С. 219–220.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 951. Л. 72–72об.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 692. Л. 22об.; д. 820. Л. 7.
- ¹⁶ См.: Массов А.А. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб., 1998. С. 12–29.
- ¹⁷ См.: АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1004. Л. 10–17об.
- ¹⁸ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 20, оп. 2, д. 1867. Л. 17–18об., 32–33об., 38–38об.
- ¹⁹ Некоторые из донесений Р.Р. Унгерн-Штернберга о состоянии различных отраслей австралийской промышленности и о перспективах в этой связи развития русско-австралийской торговли были опубликованы на страницах журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли». См. «Библиографию публикаций документальных материалов российских консулов в Австралии».
- ²⁰ См.: РГИА. Ф. 23, оп. 25, д. 88.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1300. Л. 107–107об.
- ²² АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 820. Л. 126. См. также Victoria Government Gazette, 22.01.1897. Вне консульского округа российского консула в Мельбурне оставался лишь Новый Южный Уэльс, однако представлявшему там интересы России с 1857 г. нештатному консулу в Сиднее Э.М. Полю были даны инструкции «для достижения возможного единства действий наших агентов консульской службы» (см. АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 779. Л. 180об.).
- ²³ Ежегодник Министерства иностранных дел России, 1900. СПб., 1900. С. 340.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1076. Л. 90.
- ²⁵ РГИА. Ф. 95, оп. 4, д. 110. Л. 12.
- ²⁶ Ежегодник Министерства иностранных дел России, 1909. СПб., 1909. С. 44; Ежегодник Министерства иностранных дел России, 1914. СПб., 1914. С. 45.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 133, оп. 470, д. 77. Л. 32–32об., 48–48об., 52–53об.

²⁸ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1300. Л. 77–77об.

²⁹ Там же. Л. 115–115об.

³⁰ АВПРИ. Ф. 155, оп. 408, д. 1274. Л. 6об., 10. Подробнее см.: Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010. С. 14–42.

³¹ Fried, E. The First Consul: Peter Simonoff and the Formation of the Australian Communist Party // Russia and the Fifth Continent. Ed. by J. McNair and T. Poole. Brisbane, 1992. P. 112.

³² АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1404. Л. 57–58об.

³³ АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1274. Л. 10.

³⁴ Ежегодник Министерства иностранных дел России, 1916. СПб., 1916. С. 53.

³⁵ См.: National Australian Archives (далее – NAA): A11803, 1914/89/241.

³⁶ См.: АВПРИ. Ф. 155, оп. 408, д. 905. Л. 49–53об.

³⁷ NAA: A981, CONS 241.

³⁸ Подробнее см.: Симонов П. Три с половиной года советского дипломатического представительства // Международная жизнь. 1922. № 15(133). С. 61–66; Рудницкий А. Судьба первого консула. К истории российско-австралийских отношений // История без купюр. Спецвыпуск журнала «Международная жизнь». М., 2012. С. 5–26.

³⁹ Помимо уже упоминавшихся работ В.П. Олтаржевского и А.Я. Массова назовем в этой связи гл. 3 монографии А.Ю. Рудницкого «Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории» (М., 1991. С. 52–69). См. также статью Ю.Д. Аксенова и А.Я. Массова «Российская консульская служба в Австралии в 1901–1918 гг.» (Восток. 2007. № 5. С. 50–63) и главу этих авторов о российских консулах в Австралии в коллективной российско-австралийской монографии «Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807–2007» (Adelaide, 2007. P. 76–95).

⁴⁰ Фотография Р.Р. Унгерн-Штернберга, любезно предоставленная Д. Унгерн-Штернбергом, впервые была опубликована М. Поллард в русскоязычной австралийской газете «Единение». См.: Поллард М. Два дипломата, или История поиска одной фотографии // Единение. 21.09.2012. С. 7.

ИМПЕРАТОРСКИЕ РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЫ В АВСТРАЛИИ

Посмотрим теперь, кто представлял интересы России в Австралии. До нас дошло не так много сведений о жизни первых российских консулов в этой далекой стране. Попробуем, однако, в той или иной мере восстановить их биографии.

Первый нештатный консул в Мельбурне, Джеймс Пэйн Деймион (James Payne Damiyon), родился 17 декабря 1812 г.¹ в лондонском районе Степни (Ист-Энд). В начале XIX в. эта часть города еще не стала средоточием преступности, а была промышленно-портовой окраиной, где селилась трудовая беднота. Можно вполне ответственно предположить, что Джеймс происходил из бедной семьи. В молодости, до того как переселиться в Австралию, он ряд лет прожил в России, служа в различных торговых домах. Этот жизненный опыт не только оставил у него любовь к России и русским, но и обогатил знанием русского языка. Побывавший в Мельбурне в 1881 г. русский путешественник и писатель Э.Р. Циммерман, который установил дружеские отношения с Дж. Деймионом, писал, что тот не только мог говорить по-русски, но и вполне грамотно по-русски писал. В России молодой англичанин специально изучал русский язык, поселившись на несколько месяцев в деревне «на хлеба» к священнику, преподававшему русский язык иностранцам².

В начале 1840 г., уже в зрелом возрасте, Дж. Деймион эмигрировал в Австралию. В Мельбурне он открыл комиссионную торговлю и быстро разбогател. С 1852 г. он становится также единоличным владельцем фермы Глэнферри, которая располагалась на 60 акрах земли в ближайшем предместье Мельбурна. В 1843 г. Дж. Деймион обзавелся семьей. Его избранница, также иммигрантка из Англии Мэри Энн Филпотт, подарила своему мужу девятилетних детей³.

Свое назначение российским вице-консулом в 1857 г. Дж. Деймион воспринял с воодушевлением и очень гордился должностью. На здании Мельбурнской биржи, где одно время Дж. Деймион снимал офис для консульства, он за свой счет установил флагшток, на котором вывесил российский флаг⁴. Излишне говорить,

что и к своим консульским обязанностям Дж. Деймион относился исключительно добросовестно и регулярно отсылал донесения в генеральное консульство России в Лондоне.

Русские военные моряки, которые контактировали с Дж. Деймионом во время визитов кораблей российского флота в порты Австралии, отзывались о нем с исключительной теплотой. В 1862 г. командир фрегата «Светлана» капитан 2-го ранга И.И. Бутаков отмечал, что «готовность его в исполнении своей обязанности не имела границ»⁵. В 1871 г. командир клипера «Гайдамак» капитан-лейтенант М.Е. Колтовский посвятил Дж. Деймиону специальный пассаж в своем официальном рапорте. «В Мельбурне, – писал он, – я встретил нашего консула г. Деймиона, про которого не могу умолчать в донесении...; во время всей моей службы за границей мне не приходилось встречать столь достойного и уважаемого консула... Мы вполне можем гордиться, имея такого консула, как г-н Деймион»⁶. Столь же высоко отзывались о деятельности Дж. Деймиона офицер корвета «Богатырь» капитан-лейтенант А.М. Линден, командир клипера «Изумруд» капитан 2-го ранга М.Н. Кумани, командир клипера «Вестник» капитан 2-го ранга В.И. Ланг⁷. Дж. Деймион помог опровергнуть обвинение русских моряков в шпионаже, появившееся на страницах австралийской прессы в 1882 г. в ходе визита в Австралию русской эскадры под командованием контр-адмирала А.Б. Асланбегова⁸. О помощи Дж. Деймиона с благодарностью отзывались уже упоминавшийся Э.Р. Циммерман и командированный в 1884 г. в Австралию горный инженер М.А. Шостак⁹.

В 1883 г. за усердную службу Дж. Деймион был награжден орденом Св. Станислава III степени¹⁰. Однако в 90-е гг., когда в Австралии разразился жестокий финансовый кризис, его постигла серьезная драма. В 1892 г., будучи уже в весьма преклонном возрасте (ему исполнилось 80 лет), Дж. Деймион разорился и его имущество было продано за долги. Впавший в крайнюю нужду и почти оглохший, он, тем не менее, продолжал исполнять свои обязанности до 1894 г., когда в Мельбурн прибыл первый русский штатный консул А.Д. Путята. Уважая заслуги ветерана, в 1896 г. тогдашний российский консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг обратился в МИД с поддержкой прошения Дж. Деймиона, которое тот направил на высочайшее имя о выделении ему денежного пособия. Однако вместо пособия в начале 1897 г. Дж. Деймиону была оказана всего лишь единовременная денежная помощь в размере 120 ф. ст.¹¹ Умер Дж. Деймион в крайней бедности 5 февраля 1898 г.¹² Его могилу удалось разыскать на кладбище в Сент-Кильда в Мельбурне.